

ся заимствованием из древнепрусского языка.

Нам кажется, было бы уместно в книге остановиться и на таких лексических параллелях, как литов. *dervà* «смола», латыш. *darva* — др.-исл. *tjara*, др.-англ. *tierce*, литов. *kėrdžius* «старший пастух» — др.-в.-нем. *hirti* «пастух».

Действительно, в последнее время все больше ученых утверждает, что литов. *alūs* «пиво», латыш. *alus*, др.-прусск. *alu* являются исконно родственными с соответствующими названиями пива в славянских и германских языках. Все же не слишком ли смело относить это соответствие к изоглоссам, не вызывающим сомнений? Нам кажется, К. Буга не без основания литов. *alūs*, как и литов. *midūs*, «мед (напиток)», считал заимствованиями из германских языков¹³.

¹³ К. В ū g a, *Rinktiniai raštai*, I—III, Vilnius, 1958—1961, II, стр. 84—86, III, стр. 426—427.

В заключение хотелось бы обратить внимание на недавно опубликованную интересную попытку Ю. В. Откущико-ва как «возможно, родственные» слова связывать балт. **klaibas*/**klaipas*/**kleipas* — праслав. **xlěbъ* — прагерм. **xlaibaz*¹⁴.

Когда-то Хр. С. Станг образно сравнил науку с диалогом. Новая его книга, разумеется, не поставила точку в диалоге о славяно-балто-германских лексических соответствиях. Но она очень удачно продолжила его, обогатила интересными мыслями, замечаниями и в каком-то смысле резюмировала все то, что участниками этого диалога было высказано на протяжении последнего столетия.

А. Ю. Сабалаускас

¹⁴ Ю. В. Откущиков, О древнем названии хлеба в балтийском, славянском и германском. «Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis», 1973, 2 (307), стр. 84—89.

М. М. Маковский. Теория лексической аттракции (Опыт функциональной типологии лексико-семантических систем). — М., «Наука», 1971. 250 стр.

Рецензируемая книга является итогом многолетней работы автора, который широко известен в специальной литературе серией работ; посвященных германской диалектологии, лексикологии, семантике, этнонимике и топонимике. На первый взгляд может показаться, что перед нами исследование по английской исторической диалектологии (такие работы появляются у нас крайне редко). Однако тематика рецензируемой книги гораздо шире — это исследование механизма структурных и функциональных соотношений между лексическими единицами и семантикой в системе языка; вместе с тем это и сравнительно-историческое исследование: обсуждение общетеоретических проблем на материале лингвистического прошлого является необходимой предпосылкой для понимания законов синхронного существования языка.

До самого последнего времени существовала традиция, согласно которой к сопоставительному сравнительно-историческому и ареально-лингвистическому анализу привлекались только элементы фонологического и морфологического уровней, имеющие вполне обозримый (количественно и качественно) характер. Элементы же лексического уровня, воспринимаемые как «открытое множество», сравнительно легко и быстро поддающиеся изменениям, не использовались в подобных исследованиях.

Преодоление такого подхода началось в XX в. с требования равноправия для лексики в лингвистическом анализе (ср. работы Р. Боненбергера, Э. Кранцмайера, Э. А. Макаева). Именно с начала XX в. лингвисты стали осознавать, что языковой статус лексики обуславливается ее соотношениями с другими уровнями языка. Однако признание того, что лексический материал может и должен представлять самостоятельный интерес, например, для сравнительно-исторических исследований, еще не означает, что атомарность в таких разысканиях была полностью преодолена: теперь разобщенно рассматривались отдельные лексемы, например, в зависимости от того, в каких памятниках или в каком лингвогеографическом ареале они встречаются. Иначе говоря, ареальное и хронологическое отождествление каждой лексемы производилось независимо от других.

Еще одно препятствие, которое приходится преодолевать исследователю лексики, — это распространенное мнение о том, что лексика якобы не может быть подвергнута анализу в полном смысле слова, так как она представляет собой «неупорядоченный континуум». Внешне не связанные друг с другом проявления системности в лексике, обнаруженные рядом исследователей, не позволяли им выйти из круга привычных представлений о лингвистической системности и схем,

полученных при изучении фонологического уровня¹.

М. М. Маковский разработал и обосновал плодотворную лингвистическую концепцию — теорию лексической аттракции, вскрывающую внутреннюю природу, характер, механизм развития и синхронного существования лексико-семантической системы в различных ее аспектах. Он исходит, прежде всего, из того, что лексика всякого языка представляет собой систему; причем системные отношения в лексике имеют качественно иной характер по сравнению с системностью в фонетике и морфологии. Лексическая система построена не на оппозициях, как фонологическая и морфологическая системы, — здесь решающими являются не различные парадигматические отношения, а вхождение лексемы, с одной стороны, в определенный, структурно ограниченный лексико-семантический макронабор, а с другой — в тот или иной микроряд данного набора, т. е. место данной лексемы (центральное или периферийное положение), в том или ином лексико-семантическом макронаборе или микроряду. Лексеме, как и вообще любой языковой феномен, предлагается рассматривать не только в плане ее синхронного статуса, но главным образом с точки зрения того диахронического переплетения и взаимодействия явлений различных уровней, которое привело именно к данному синхронному языковому состоянию, с точки зрения влияния явлений одного уровня на последовательные изменения в другом.

Термин «аттракция» давно используется в лингвистике, при этом разные лингвисты употребляют его по-своему². Исходя из того, что лексическая микроструктура — это известная совокупность лексем, употребляемых в определенных значениях на том или ином этапе языкового развития (в том смысле, что элементы этих совокупностей образуют линейный ряд и системно связаны друг с другом), М. М. Маковский называет лексической аттракцией те функционально-динамиче-

ские процессы, благодаря которым отдельные элементы этих микроструктур в той или иной мере связываются друг с другом, взаимообуславливаются и на определенном отрезке времени образуют дискретные лексико-семантические наборы. При этом автор особо подчеркивает, что выделяемые им лексико-семантические наборы не имеют ничего общего с семантическим полем Й. Трира, которое «является произвольным и умозрительным построением, основанным на логических связях» (стр. 49).

Таким образом, лексический состав языка понимается как строго организованная макросистема ряда сосуществующих и пересекающихся микросистем различной протяженности, элементы которых группируются по диахронической преемственности целостного лексико-семантического континуума. Хотя лексико-семантические континуумы отличаются строгой структурной организацией, протяженность их в каждом отдельном случае не является фиксированной. Структурный момент является первичным для синхронного и диахронического существования лексических наборов, а функциональный — вторичным. Все элементы подгруппы самой мелкой лексической системы (микроряда) структурно организованы вокруг «ядерной» подгруппы, требующей для своего существования наличия всех без исключения подгрупп микроряда, элементы которых предствлены в них только в определенных значениях. Все остальные группы микроряда располагаются вокруг «ядерной» подгруппы в порядке убывающей валентности, т. е. в зависимости от количества лексических подгрупп данного ряда, необходимых для их существования в пределах данной подсистемы. Относительное равновесие и стабильность в пределах элементов лексического микроряда создается на основе своего рода ценной связи между всеми его компонентами³. Величина валентности обратно пропорциональна стабильности того или иного элемента ряда. В каждом ряду существуют элементы, обладающие нулевой валентностью; такие элементы одновременно представлены в нескольких лексических микрорядах (лексические константы). Понятие лексического ядра и вообще понятие опорности той или иной лексемы является относительным. Синхронное существование и диахроническое развитие лексических структур подчиняется строгим правилам, но протяженность структур, их количество и различная комбинация элементов внутри каждой из них — беспредельны.

³ См.: М. М. Маковский, Принцип равновесия в лексике и семантике, «Ин. яз. в шк.», 1972, 3. Эта работа является своеобразным дополнением к рецензируемой монографии автора.

¹ См., например: R. Hallig, Zum Aufbau eines Ordnungsschemas für Wortschatzdarstellungen, ZfomPh, LXX, 1954; F. Hiorth, Zur Ordnung des Wortschatzes, «Studia linguistica», Lund — Copenhague, XIV, 1960.

² Ср., например: J. Schmidt, Die Verwandtschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen, Weimar, 1872; H. Sperber, Einführung in die Bedeutungslehre, Bonn — Leipzig, 1923; O. Duchacek, L'attraction lexicale, «Philologia Pragensia», VII, 1, 1964; Г. С. Щур, О некоторых основных понятиях теоретического языкознания, «Уч. зап. Омск. гос. пед. ин-та», 65, 1972; его же, Теории поля в лингвистике, М. — Л., 1974.

Теория лексической аттракции исследует всевозможные структурные законы, управляющие наличием или отсутствием определенного набора слов или значений (и отдельных слов и значений) и корреляцией этих факторов диахронически и диатопически (стр. 19, 47, 51, 52, 58, 98, 104, 105, 106, 114 и др.).

Во «Введении» автор, отмечая отличие своей книги от традиционных лексико-этимологических и ареально-лингвистических исследований, подчеркивает, что его цель — на основе структурно-диахронической методики «выявить те внутренние процессы и „рычаги“ языкового механизма, которые объединяют и разъединяют отдельные слова и словарные „массивы“ в ходе истории языка, независимо от их вхождения в понятийные поля и словообразовательных сходств и различий» (стр. 9).

Отвлекаясь от разного рода лингвистических факторов, М. М. Маковский исследует чисто языковые предпосылки синхронного существования и изменения лексико-семантических систем и вскрывает «механизм тех движущих сил, которые, возникшая в глубинах языковой структуры, замедляют или, наоборот, ускоряют процессы развития той или иной языковой системы, вызывая к жизни новые, ранее не существовавшие силы воздействия на состав, семантику и позицию языковых элементов, как бы „включая“, „выключая“ и „переключая“ друг друга в зависимости от окружения в системе» (там же).

В применении к конкретному материалу перед исследователем, с точки зрения теории лексической аттракции, ставятся следующие задачи: изучить свойства и вскрыть причинную взаимообусловленность и закономерности поведения отдельных (как крупных, так и мелких) звеньев словарного состава в синхронии и диахронии; выделить и описать «сильные» звенья и позиции тех или иных компонентов лексики, которые могут оказывать определенное воздействие на те или иные признаки и позиции «слабых» лексем в данном лексико-семантическом ряду или удерживать их в этих позициях и с этими признаками. Без такого теоретического осмысления сущности, свойств и взаимоотношения лексических и семантических инвариантов и вариантов вряд ли можно делать какие-либо объективные выводы.

Уже сама композиция рецензируемой книги свидетельствует о ее методологической целостности. В гл. I обсуждаются общие свойства лексико-семантических систем. Выясняется языковой статус лексики в структуре языка, наличие и сущность соотношений и связей между отдельными лексическими элементами, возможности и закономерности их синхрон-

ного существования и диахронического изменения. Особенно пристально рассматриваются условия, приводящие к тому, что различные элементы лексики структурно, или «топологически», изменяются.

В главе обсуждаются также возможности определить и предсказать характеристики одной лексико-семантической подсистемы на основе закономерностей, свойственных другой подсистеме того же языка, реакции лексико-семантических систем на разного рода изменения, на внутренние и внешние импульсы, в связи с чем рассматриваются такие явления, как подвижные формативы, валентность лексико-семантических единиц (это понятие у автора никак не перекликается с традиционной синтаксической валентностью, например, у Хельбига), лексико-семантическая изотопия и варьирование и др.

В результате анализа ряда микроструктур автор приходит к важным выводам о сущности и свойствах лексического состава языка как ряда «связанных друг с другом лексических микроструктур, каждая из которых является конечной по своему составу для данного этапа языкового развития» (стр. 42).

Интересно, что одну из важнейших задач лексикографии автор видит в исследовании конкретного состава и наиболее типичных лексических микроструктур различных языков в синхронии и диахронии, а также в составлении соответствующих таблиц. Это даст практическую возможность установить функциональную зависимость между отдельной изолированной лексемой и ее принадлежностью к определенной микроструктуре (нескольким микроструктурам) или невозможностью существования ее в том или ином окружении. Такие данные необходимы для этимологии, диалектологии, истории языка. Таблицы указанного типа дадут также возможность провести сравнительную характеристику манифестаций (или отсутствия) того или иного слова в различных хронологических, ареальных и социально-стилистических вариантах в пределах распространения изучаемых родственных языков и выявить свойства и закономерности, характерные для каждого из этих вариантов. Наконец, станет возможным — а это особенно важно для анализа древних этапов развития языка — определить наличие в тех или иных микроструктурах лексических звеньев, не засвидетельствованных письменностью. Таким образом, в гл. I также показан диапазон и возможности применения предложенных методик в этимологическом и типологическом исследованиях.

В гл. II «Теория лексической аттракции и этимология» устанавливается генетическое тождество или различие (т. е. соответственно идентификация или неидентификация) слов, которые в преде-

лах близко- и неблизкородственных языков внешне выступают (синхронно и/или диахронически) как фонетически и семантически сходные. Это является необходимым условием для решения ряда центральных лингвистических проблем (ареальный, топонимический и сравнительно-исторический анализ, выделение реликтов и инноваций и др.). На материале ряда индоевропейских и восточных языков — всего в работе используется более 110 языков — проблема идентификации лексики рассматривается структурно. Обращение к теории лексической аттракции способствует решению целого ряда этимологических проблем, ибо «синхронный облик слова, его наличие или отсутствие на определенном этапе развития языка отражают весь исторический ход его развития в одном и том же или в различных лексических окружениях» (стр. 48—49). В гл. II дается ряд взаимообусловленных и взаимосвязанных правил идентификации слов при сопоставительном анализе (например, в связи с положением автора о том, что лексико-семантические константы не могут идентифицироваться между собой, др.-англ. *gefynde* — лат. *sarax* нельзя связывать с нем. *finden* или с гот. *fijan*, нем. *Feind*, как это обычно делается, а следует сопоставить только с дат. *fyndig* «powerful», совр. англ. диалектн. *findy* «firm, solid» — стр. 56), а приложением к ней служит список англо-германо-ионских этимологических параллелей (стр. 61—92). Исследуя обширный и свежий фактический материал английских и немецких диалектов, ранее не приводившийся в специальных исследованиях, автор убедительно доказывает важное для германистики и общего языковедения положение о связи северной древнеанглийской (англской) лексико-семантической системы с лексико-семантической системой современного швейцарского диалекта немецкого языка, т. е. возможность соотношения определенных лексико-семантических «массивов», не только различных территориально, но и не сходных по своему временному статусу (в том числе и этимологически разошедшихся). Приводимый автором диалектный материал не только дает возможность корректировать (или отвергнуть) ряд традиционных этимологий многих германских и индоевропейских лексем, но и этимологизировать слова с ранее неясными семасиологическими связями.

В гл. III «Теория лексической аттракции и типология лексико-семантических систем» рассматриваются некоторые аспекты одного из важнейших процессов существования и развития языка, а именно процесса экстраполяции на лексико-семантическом уровне. При этом исследовались три плана экстраполяции: 1) между отрезками нескольких сосу-

ществующих лексико-семантических континуумов, реакции между которыми дает изоморфные единицы, хотя до отображения рассматриваемые единицы не были изоморфными; 2) между отрезками одного и того же лексико-семантического ряда, реакции между которыми являются основной предпосылкой возможности межсистемных отражений, и, наконец, 3) между одинаково структурированными (изоморфными) и различно структурированными (алломорфными) континуумами» (стр. 120). Учет закономерностей экстраполяции дает возможность по-новому подойти к проблеме лингвистического времени. В этой связи важно вводимое автором понятие коэффициента лингвистического времени, на основе которого он строит ряд правил, вскрывающих различные проявления фактора лингвистического времени на эволюцию языка (стр. 121 и сл.). Автор подчеркивает, что не всякое явление синхронии представляет собой отражение диахронических процессов и не всякое явление диахронии обязательно отражается в синхронии.

Значительной теоретически и полезной практически является гл. IV, посвященная проблеме механизма заимствования в свете теории лексической аттракции. Требование этой теории учитывать, что внешние и внутренние факторы языковой системы могут взаимообуславливаться и перекрещиваться, тем более относится к рассматриваемой проблеме, что лингвистическая природа заимствований, условия вхождения и выхода слов и значений в различных языках, методы установления заимствованного или исконного характера слов в том или ином языке мало изучены⁴. До сих пор нет даже единого определения заимствований.

Изучая языки различного строя, М. М. Маковский вскрыл ряд общих структурных закономерностей контактирования языков на лексико-семантическом уровне и определил теоретические предпосылки системного анализа заимствований. К гл. IV приложен краткий словарь «ложных друзей переводчика». Обычно такие словари являются двуязычными⁵. Это не дает возможности для широких сопоставлений семьи языков или внутри определенного ареала. В предлагаемом автором словаре за исходные берутся слова современного

⁴ См.: L. D e r o u, L'emprunt linguistique, Paris, 1956; E. H a u g e n, The analysis of linguistic borrowing, «Language», 26, 2, 1950.

⁵ Ср.: В. А к у л е н к о и др., Словарь „ложных друзей переводчика“, М., 1969; M. R e i n h e i m e r, Les faux amis du vocabulaire allemand-français, Lausanne, 1952; L. D u p o n t, Les faux amis espagnols, Genève — Paris, 1961.

русского языка и на основе синхронно-сопоставительного рассмотрения лексем русского, английского, французского и немецкого языков составляется своеобразная таблица, позволяющая установить семантические, грамматические и стилистические особенности соответствующих иностранных слов по сравнению с русскими (приводимые автором английские примеры не совпадают с теми, которые даются в словаре Акуленко). Например: русск. *паркет*, но франц. *parquet* «прокуратура; собрание биржевых маклеров», англ. (амер.) *parquet* «передние ряды партера», нем. *Parkett* «партер»; русск. *док*, но англ. *dock* «щавель; скамья подсудимых»; русск. *болт*, но англ. *bolt* «стрела; сито; вязанка хвороста», русск. *фреза*, но франц. *fraise* «клубника; фреза» и др. Среди неточностей в словаре следует отметить, например, что на стр. 162 франц. *tulle* приводится в значениях, которые в действительности свойственны слову *tuile*.

Нельзя не обратить внимание на вдумчивый подход автора к отбору словника — в свете теории регионализмов, излагаемой во втором приложении к гл. IV, в словарь в первую очередь были включены сходные по своему фонологическому и семантическому составу лексемы, распространенные на более или менее широкой территории независимо от изначальной принадлежности к единому корню. Словарь, состоящий из 177 словарных статей, — одно из бесспорных достоинств книги.

Собственно диалектологическим проблемам посвящена гл. V «Теория лексической аттракции и лингвогеография». Возможности применения методики исследования древних диалектов (в частности — проблемы определения диалектной принадлежности лексических элементов в древних письменных памятниках) показаны на конкретном материале древнеанглийских диалектов, изучаемых на фоне гипотетической лексико-семантической системы общегерманской лексики (см. приложение «Англо-германские лексико-семантические параллели в свете лингвогеографии», стр. 195—232). Работа заканчивается списком использованной литературы (стр. 233—241), который включает 252 названия, не считая списка источников (стр. 242—246).

В работе, посвященной лексико-семантическому анализу, естественно, не может не быть спорных или, по край-

ней [мере, дискуссионных моментов. Основным недостатком рецензируемой книги является то, что в ряде случаев теоретические положения, высказываемые автором, даются в виде своего рода аксиом, не сопровождаемых доказательными и не иллюстрируемыми фактами языка (см., например, стр. 121). Правда, во многих случаях эти положения можно вывести из материала, приводимого в приложениях, но это потребовало бы дополнительного исследования со стороны читателя. Нельзя, однако, в этой связи забывать слова Ф. де Соссюра о том, что «странным и поразительным свойством языка является то, что в нем не даны различимые на первый взгляд сущности (факты), в наличии которых между тем усомниться нельзя, так как именно их взаимодействие образует язык. В этом и лежит та черта, которая отличает язык от всех прочих семиологических систем»⁶.

Не все из приводимых в приложениях лексем можно с полным правом отнести к англо-германским соответствиям: в ряде случаев перед нами, очевидно, просто общегерманские лексемы (например, *fahs, bel, bidan, bremman*).

Количество опечаток (особенно в иностранном тексте) далеко не исчерпывается списком, приложенным к книге.

Главным достоинством рецензируемой монографии, содержащей много полезных сведений как о древних, так и о современных языках, является ее теоретическая основа, дающая возможность построить систему методик, охватывающих различные аспекты семасиологического и лексикологического исследований. Автор указывает на произвольность и несостоятельность таких «модных» теорий, как анализ по семантическому полю и компонентный анализ. В связи с этим следует подчеркнуть, что излагаемая автором теория не является в а р и а н т о м указанных концепций, как это часто случается, а носит с а м о с т о я т е л ь н ы й характер. Теория лексической аттракции позволяет преодолеть традиционный атомизм в семасиологии и лексикологии и дает возможность изучать закономерности и взаимодействия языковых континуумов, не навязывая языку чуждых ему категорий.

Э. М. Медникова

⁶ Ф. де С о с с ю р, Курс общей лингвистики, М., 1933, стр. 108—109.